СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИДИОСТИЛЯ А. П. ЧЕХОВА И ИХ ХУДОЖЕСТВЕННО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ

Фармонова Гулжахон Жахонгир кизи
магистрант 1 курса по направлению «Русский язык и литература»,
Азиатский международный университет, г. Бухара, Узбекистан

Аннотация. В тезисах рассматриваются словообразовательные средства, составляющие одну из устойчивых примет идиостиля А. П. Чехова: экспрессивная суффиксация, ономастическая деривация, окказиональное словотворчество, переосмысление узуальных моделей в речи персонажей. Показано, что словообразовательные приёмы писателя подчинены принципу художественной экономии и выполняют характерологическую, оценочно-экспрессивную, комическую, символизирующую и композиционную функции.

Ключевые слова: идиостиль, А. П. Чехов, словообразование, окказионализм, экспрессивная суффиксация, говорящее имя, художественно-стилистическая функция.

Введение

Изучение идиостиля писателя предполагает выявление тех языковых механизмов, через которые воплощается его индивидуальное видение мира. Среди уровней языковой системы словообразование занимает особое место: располагаясь на стыке лексики и грамматики, оно позволяет автору, не выходя за рамки нормы, порождать новые смысловые оттенки, концентрировать оценку и характеристику в пределах одного слова. Мысль о том, что язык художественного произведения представляет собой систему, организованную эстетическим замыслом автора, последовательно обосновывалась В. В. Виноградовым[1]. По отношению к Чехову это положение звучит особенно убедительно, поскольку его манера давно воспринимается как эталон лаконизма и смысловой насыщенности.

Несмотря на обширность чеховедческой литературы, внимание исследователей по преимуществу сосредоточено на поэтике сюжета, детали и повествовательной позиции[2], тогда как словообразовательный пласт идиостиля описан лишь фрагментарно. Вместе с тем именно деривационные средства во многом обеспечивают знаменитую чеховскую сжатость: производное слово несёт в себе свёрнутую мотивацию, а значит — имплицитное суждение о называемом предмете. Сам писатель в письме к старшему брату афористически назвал краткость «сестрой таланта»[3], и этот принцип распространяется у него не только на композицию, но и на отбор единиц языка, в том числе на выбор морфемного облика слова.

Цель настоящей работы — охарактеризовать ведущие словообразовательные особенности идиостиля А. П. Чехова и определить их художественно-стилистические функции. Материалом послужили рассказы 1880–1900-х годов, пьесы «Три сестры» и «Вишнёвый сад», а также эпистолярное наследие писателя. В работе применялись описательный метод,

[1] Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959.

[2] Чудаков А. П. Поэтика Чехова. М.: Наука, 1971.

[3] Чехов А. П. Письмо Ал. П. Чехову, 11 апреля 1889 г. // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. М.: Наука, 1974–1983. Т. 3.

© Ushbu material Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0) litsenziyasi asosida tarqatiladi.

словообразовательный анализ (установление мотивационных отношений), контекстуально-стилистический анализ и элементы сопоставительного подхода. Теоретическую базу составили труды по окказиональному словообразованию[4] и понимание словообразования как речевой деятельности, развиваемое Е. А. Земской[5].

1. Экспрессивная суффиксация как средство оценки

Наиболее заметным пластом чеховского словообразования являются производные с суффиксами субъективной оценки. В русском языке такие морфемы обладают двойственной природой: они способны выражать и ласку, и пренебрежение, и иронию, а конкретное значение проявляется лишь в контексте. Как отмечал Г. О. Винокур, в художественном тексте слово получает «внутреннюю форму» второго порядка, когда языковое значение становится знаком авторского смысла[6]. Чехов виртуозно использует эту многозначность, превращая диминутив в инструмент скрытой авторской оценки.

Показателен рассказ «Душечка», само заглавие которого образовано от ласкательного обращения. Производное «душечка», исходно выражающее симпатию, по мере развития сюжета приобретает иронический оттенок: героиня, растворяющаяся в чужих мнениях, оказывается «душечкой» именно в силу отсутствия собственной личности[7]. Таким образом, суффикс, обычно маркирующий положительное отношение, у Чехова совмещает умиление и сожаление, а заглавное слово становится формулой характера. Л. Н. Толстой, как известно, прочитал этот рассказ в противоположном ключе — как апологию самоотверженной женской любви, что лишний раз свидетельствует о смысловой подвижности, заложенной в чеховском слове.

Иной эффект достигается в рассказах, где уменьшительные формы оказываются принадлежностью речи самих персонажей. Чиновничье угодничество в «Толстом и тонком» проявляется не только в лексике («ваше превосходительство»), но и в характерной смене форм: тонкий, узнав о высоком чине бывшего однокашника, «съёжился, сгорбился, сузился», а его речь наполняется подобострастным «хи-хи-с» и самоуничижительными оборотами[8]. Субстантивированные прилагательные «толстый» и «тонкий», вынесенные в заглавие, выполняют функцию обобщения: персонажи лишены имени в заглавии и сведены к телесному признаку, за которым угадывается признак социальный.

Ласкательная суффиксация служит у Чехова и средством создания лирической тональности. В «Ваньке» диминутивы в письме девятилетнего героя («милый дедушка», «пожалей ты меня сироту несчастную») создают эффект детского голоса и одновременно усиливают трагизм ситуации, так как контраст между интонацией нежности и содержанием жалобы оказывается разительным. В «Каштанке» кличка героини, образованная при помощи суффикса -к- от слова

---

[4] Лопатин В. В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. М.: Наука, 1973; Ханпира Э. И. Окказиональные элементы в современной речи // Стилистические исследования. М.: Наука, 1972.

[5] Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992.

[6] Винокур Г. О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1990.

[7] Чехов А. П. Душечка // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. М.: Наука, 1974–1982. Т. 10.

[8] Чехов А. П. Толстый и тонкий // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. М.: Наука, 1974–1982. Т. 2.

© Ushbu material Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0) litsenziyasi asosida tarqatiladi.

«каштан», одновременно указывает на масть собаки и на её «домашний», простонародный статус, а имя «Тётка», данное ей новым хозяином-клоуном, сигнализирует о смене мира[9].

2. Ономастическое словообразование: «говорящее» имя

Особая сфера словотворческой активности писателя — антропонимия. Чехов продолжает гоголевскую и щедринскую традицию «говорящих» фамилий, однако придаёт ей большую тонкость: мотивирующая основа нередко не называет черту характера прямо, а лишь подсказывает ассоциацию. Фамилия Червяков («Смерть чиновника») образована от слова «червяк» и заключает в себе образ ничтожности и пресмыкания; полицейский надзиратель Очумелов («Хамелеон») носит фамилию, мотивированную глаголом «очуметь», что соотносится с его лихорадочными колебаниями оценки в зависимости от того, чья собака укусила Хрюкина[10]. Фамилия последнего, в свою очередь, построена на звукоподражательной основе и несёт комическую сниженность.

Не менее выразительна фамилия героя рассказа «Унтер Пришибеев», мотивированная глаголом «пришибить»: она в свёрнутом виде содержит всю социальную психологию добровольного блюстителя порядка, готового «пришибить» всякого, кто нарушает воображаемый им регламент[11]. Здесь словообразовательная мотивация выполняет одновременно характеризующую и прогнозирующую функцию: читатель уже по имени героя предугадывает конфликт.

Своеобразным экспериментом в области ономастической деривации является рассказ «Лошадиная фамилия». Его сюжет целиком строится на переборе производных от слов лошадиной тематики: персонажи перечисляют Кобылина, Жеребцова, Лошадкина, Копытина и многих других, пока не выясняется, что искомая фамилия — Овсов[12]. Комический эффект возникает из несовпадения ожидаемой и действительной мотивации: «лошадиность» фамилии оказывается опосредованной, косвенной. Тем самым Чехов, пусть и в юмористической форме, обнажает сам механизм словообразовательной ассоциации и превращает его в двигатель сюжета.

Зрелый Чехов прибегает к более сложным формам ономастической игры. В рассказе «Ионыч» заглавие образовано от отчества героя в его разговорной, усечённой форме: если в начале повествования доктор именуется Дмитрием Ионычем Старцевым, то в финале от его личности остаётся лишь фамильярное «Ионыч»[13]. Редукция имени отражает нравственную деградацию героя; сама фамилия Старцев, мотивированная словом «старец», предвосхищает преждевременное духовное старение. Исследователи справедливо видят в подобных случаях проявление чеховской «объективности», при которой оценка не высказывается прямо, а передаётся структурой номинации[14].

---

[9] Николина Н. А. Филологический анализ текста. М.: Академия, 2003.

[10] Чехов А. П. Хамелеон // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. М.: Наука, 1974–1982. Т. 3.

[11] Чехов А. П. Унтер Пришибеев // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. М.: Наука, 1974–1982. Т. 4.

[12] Чехов А. П. Лошадиная фамилия // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. М.: Наука, 1974–1982. Т. 4.

[13] Чехов А. П. Ионыч // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. М.: Наука, 1974–1982. Т. 10.

[14] Катаев В. Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. М.: Изд-во МГУ, 1979.

© Ushbu material Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0) litsenziyasi asosida tarqatiladi.

Характерно, что и в «Ионыче» действует домашнее прозвище «Котик», данное Екатерине Ивановне Туркиной. Уменьшительно-ласкательная форма отражает атмосферу семейной идиллии, в которой героиня воспринимается как избалованный ребёнок, и вместе с тем иронически подчёркивает несоответствие между её притязаниями на артистическую карьеру и реальными возможностями. Подобные прозвища у Чехова никогда не бывают нейтральными: они фиксируют точку зрения окружения на персонажа.

3. Окказиональное словотворчество и языковая игра

В отличие от поэтов-новаторов начала XX века, Чехов не стремится к демонстративному словотворчеству. Его окказионализмы, как правило, построены по продуктивным моделям и потому воспринимаются как естественные, «почти узуальные» образования. В. В. Лопатин подчёркивает, что окказиональное слово рождается в конкретном контексте и вне его теряет значительную часть своей выразительности[15]; именно такую природу имеют чеховские новообразования, неотделимые от ситуации, в которой они употреблены.

Наиболее свободно словотворческая стихия проявляется в эпистолярии писателя. Письма к родным и друзьям изобилуют шутливыми подписями, прозвищами, неожиданными производными от собственных имён и географических названий. Сюда же примыкает и система чеховских псевдонимов раннего периода — «Антоша Чехонте», «Брат моего брата», «Человек без селезёнки» и др.[16] В псевдониме «Антоша Чехонте» соединены ласкательная форма имени и шутливо «латинизированная» деформация фамилии, что задаёт юмористическую тональность самому образу автора. Игра с морфемным обликом собственного имени становится здесь формой авторской самоиронии.

В художественной прозе окказиональное словообразование выполняет преимущественно характерологическую функцию. Знаменитое выражение «человек в футляре» породило в читательском сознании производные «футлярность», «футлярный», однако важно подчеркнуть, что уже в самом тексте рассказа образ футляра последовательно разворачивается в серию однокоренных и семантически связанных номинаций: зонтик в чехле, часы в чехле, перочинный нож в чехольчике[17]. Нагнетание однотипных диминутивов («чехольчик») превращает бытовую деталь в символ: уменьшительный суффикс подчёркивает мелочность, «камерность» мира Беликова, его стремление спрятаться от жизни.

Языковая игра, основанная на словообразовании, особенно ярко представлена в драматургии. В «Вишнёвом саде» старый лакей Фирс подытоживает происходящее словом «недотёпа», обращённым и к себе, и, по существу, ко всем обитателям усадьбы[18]. Это просторечное производное, построенное по модели с приставкой не- и экспрессивной основой, благодаря чеховской пьесе вошло в широкий литературный обиход и приобрело почти символическое

---

[15] Лопатин В. В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. М.: Наука, 1973.

[16] Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей: в 4 т. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1956–1960.

[17] Чехов А. П. Человек в футляре // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. М.: Наука, 1974–1982. Т. 10.

[18] Чехов А. П. Вишнёвый сад // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. М.: Наука, 1974–1982. Т. 13.

© Ushbu material Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0) litsenziyasi asosida tarqatiladi.

звучание. Здесь словообразовательная единица выступает как обобщающая формула, выражающая авторское понимание целого поколения, неспособного действовать.

4. Словообразование как средство речевой характеристики

В драматургии Чехова, где авторский голос сведён к ремаркам, словообразовательные предпочтения персонажей становятся одним из главных способов их характеристики. В «Трёх сёстрах» Наташа постоянно использует уменьшительно-ласкательные формы по отношению к своим детям — «Бобик», «Софочка»[19]. Эти формы, сами по себе выражающие нежность, в её речи контрастируют с грубостью по отношению к старой няне Анфисе и к сёстрам Прозоровым. Тем самым ласкательный суффикс разоблачает фальшь героини: за внешней сентиментальностью обнаруживается мещанская агрессивность, постепенно вытесняющая сестёр из их собственного дома.

Иначе организована речь учителя гимназии Кулыгина, насыщенная латинскими изречениями и книжными оборотами; её противопоставленность живой разговорной стихии выдаёт в персонаже человека «футлярного» склада, родственного Беликову. В «Вишнёвом саде» речь Епиходова, прозванного «двадцать два несчастья», перегружена книжными словами, неуместными производными и неправильно употреблёнными оборотами, что создаёт комический эффект «полуобразованности». Подобная гиперкоррекция, проявляющаяся в том числе на уровне словообразования, становится знаком социальной неопределённости персонажа, стремящегося подняться над своим положением[20].

Как показывают наблюдения Н. А. Николиной, в чеховском тексте речевая маска персонажа строится из немногих, но предельно точных элементов, и словообразовательная форма слова нередко оказывается среди наиболее значимых из них. Писатель отбирает именно те деривационные модели, которые наиболее надёжно указывают на социальный статус, возраст и эмоциональное состояние говорящего. Так, обилие диминутивов маркирует сентиментальность или угодливость, канцелярские отглагольные существительные — бюрократическое мышление, просторечные префиксальные образования — принадлежность к народной среде.

5. Художественно-стилистические функции словообразовательных средств

Обобщение проанализированного материала позволяет выделить несколько основных функций, которые выполняют словообразовательные средства в идиостиле Чехова. Первая из них — характерологическая: производное слово (фамилия, прозвище, излюбленная форма речи) концентрирует в себе существенную черту персонажа. Вторая — оценочно-экспрессивная: суффиксы субъективной оценки становятся носителями скрытой авторской позиции, причём оценка нередко амбивалентна, как в «Душечке». Третья — комическая: несоответствие между мотивирующей основой и реальной ситуацией, игра с внутренней формой слова создают юмористический эффект, особенно ощутимый в ранних рассказах.

Четвёртая функция может быть названа символизирующей: отдельное производное («футляр», «чехольчик», «недотёпа») разрастается в образ-символ, вбирающий смысл всего произведения. Наконец, пятая — композиционная: изменение словообразовательной формы имени героя по ходу повествования (Дмитрий Ионыч → Ионыч) маркирует этапы его эволюции и

[19] Чехов А. П. Три сестры // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. М.: Наука, 1974–1982. Т. 13.

[20] Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова. М.: Языки славянской культуры, 2005.

© Ushbu material Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0) litsenziyasi asosida tarqatiladi.

выполняет роль своеобразной сюжетной вехи. Эти функции, как правило, не существуют изолированно, а взаимодействуют в пределах одного текста, что и обеспечивает высокую смысловую плотность чеховского слова. Подобное понимание соотносится с представлением И. С. Улуханова о словообразовательной семантике как о системе, способной к контекстуальному приращению смысла[21].

Заключение

Проведённый анализ показывает, что словообразование является одним из системообразующих компонентов идиостиля А. П. Чехова. Писатель редко прибегает к броским неологизмам, предпочитая работать внутри продуктивных моделей языка, но наполняет привычные производные неожиданным художественным содержанием. Экспрессивная суффиксация, «говорящие» антропонимы, окказиональные образования в эпистолярии и речевые маски персонажей подчинены единому принципу — принципу смысловой экономии, при которой отдельная морфема берёт на себя функцию развёрнутой авторской характеристики.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в количественном описании словообразовательных моделей в прозе и драматургии Чехова, в сопоставлении его деривационной манеры с практикой современников (Н. С. Лескова, М. Е. Салтыкова-Щедрина), а также в изучении способов передачи чеховских производных при переводе на другие языки, в том числе на узбекский, где система аффиксов субъективной оценки существенно отличается от русской.

Список литературы

1. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. 654 с.
2. Винокур Г. О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1990. 452 с.
3. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992. 221 с.
4. Катаев В. Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. М.: Изд-во МГУ, 1979. 326 с.
5. Лопатин В. В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. М.: Наука, 1973. 152 с.
6. Николина Н. А. Филологический анализ текста. М.: Академия, 2003. 256 с.
7. Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова. М.: Языки славянской культуры, 2005. 400 с.
8. Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы её описания. М.: Наука, 1977. 256 с.
9. Ханпира Э. И. Окказиональные элементы в современной речи // Стилистические исследования. М.: Наука, 1972. С. 245–317.
10. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1974–1983.
11. Чудаков А. П. Поэтика Чехова. М.: Наука, 1971. 292 с.

[21] Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы её описания. М.: Наука, 1977.

© Ushbu material Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0) litsenziyasi asosida tarqatiladi.